

Тао Вансин густо покраснела и, словно от удара током, отдернула руку.

Чжао Мэнчуань же держался так, будто ничего не произошло. С невозмутимым видом он поправил воротник и мимоходом подхватил с плиты грубые глиняные пиалу и палочки.

– Едим.

Голос мужчины был хриплым, словно это не он только что в кухоньке прижал к себе девушку и силой целовал.

За столом в главной комнате уже собрались все домашние.

Тао Вансин молдя окинула взглядом присутствующих, и в ее голове сразу же сложилась полная картина.

На почетном месте во главе стола сидел молчаливый пожилой мужчина — ее свекор, старик Чжао.

Рядом с ним устроился смуглый, крепкого телосложения крестьянин — старший брат мужа, Чжао Дашань.

Женщина, сидевшая рядом с Чжао Дашанем, обладала широким плоским лицом, усыпанным множеством веснушек.

Это была старшая невестка, Ма Цуйхуа. Имя ее звучало предельно просто, но бегающие глазки выдавали в ней человека ушлого и хитрого, с таким количеством уловок, какого и у хитроумного селезня не сыщешь.

К Ма Цуйхуа льнул пятилетний мальчуган, чумазый, как лесной чертенок. Едва успев сесть за стол, он протянул свои грязные ручонки прямо к тарелке с жареными яйцами.

Тао Вансин только подняла палочки и уже собиралась осторожно потянуться ими к тому же блюду.

– Хлось! – госпожа Ван ударила палочками по столу, покосилась на невестку, с презрением фыркнула, и всем ее видом сквозила крайняя неприязнь.

– Старшие еще не притронулись к еде, а ты? Знания правил совсем растеряла?

Тао Вансин приподняла брови, уже готовясь продемонстрировать этой старухе всю глубину мастерства современного мастера дебатов.

Но в этот момент сбоку внезапно протянулась большая сильная рука. Палочки уверенно подцепили щедрый кусок жареного яйца и аккуратно положили ей в пиалу.

Чжао Мэнчуань с абсолютно спокойным лицом убрал палочки, а в его голосе зазвучали явные нотки предвзятости:

– Жена, в полдень перекусите чем есть. Вечером я сварю ту самую дику куропатку, как следует тебя подкормлю.

Произнеся это, мужчина украдкой скользнул взглядом по тонкой талии Тао Вансин.

Прошлой ночью он так измотал эту нежную молодую жену, что она горько плакала, а голос ее охрип. Силы были потрачены нешуточные, так что ее действительно следовало хорошенько подкормить.

Стоило Тао Вансин перехватить его невероятно хищный взгляд, как ее щеки мгновенно вспыхнули так, что на них впору было жарить яичницу.

Хотя этот грубый мужлан вел себя простовато, заботиться о своих он умел отменно, беззастенчиво выставив напоказ свое пристрастие.

Она подцепила яйцо палочками и отправила в рот, но вкус показался ей самым обычным, чуть ли не пресным.

В конце концов, в современности она привыкла к изысканным деликатесам, а яйца, пожаренные на грубой соли, никак нельзя было назвать кулинарным шедевром.

И все же мысль о том, что вечером ее ждет чистейший, экологически безупречный суп из дикой птицы, немного утешила ее.

Говорили, что дичь в древности куда вкуснее той птицы, что кормят комбикормом в современное время, и должна стать настоящим праздником для вкусовых рецепторов.

Сидевшая напротив госпожа Ван, наблюдая за тем, как ее второй сын готов буквально носить жену на руках, почувствовала, как от злости запульсировало в висках.

Когда женился старший, все было чинно и благопристойно. Откуда же в случае со вторым сыном в доме появилась такая заноза?

– Ой, до чего же горька моя доля! – госпожа Ван хлопнула себя по бедру и затянула плаксивым, полным иносказательных упреков голосом:

- Растила сына, ночей не спала, кормила-поила, а завел жену - и про мать забыл. Старуха-мать сбилась с ног, готовила целый стол, но что-то я не дождалась, чтобы хоть один заботливый сын положил мне в пиалу хоть кусочек. И за что я его только растила?

Атмосфера за столом мгновенно стала неловкой. Чжао Дашань заискивающе молчал, не смея поднять голову.

Тао Вансин проглотила кусочек яйца, изящно положила палочки и с загадочной улыбкой посмотрела на госпожу Ван.

- Матушка, а при чем тут сыновья, если ваша доля кажется вам горькой? Разве подобные вопросы не моему свекру задавать следует?

- Кхе-кхе-кхе... - старик Чжао, тихонько уплетавший еду, подавился грубыми зернами и закашлялся так, что аж глаза закатил.

Старик в страшном сне не мог представить, что, просто сидя за столом в роли безмолвного фона, он совершенно невинно попадет под обстрел.

Он с изумлением поднял голову и посмотрел на новую невестку.

Эта девчонка выглядела такой хрупкой и нежной, с чего же у нее оказался такой ядовитый язык? Просто бьет без промаха, насмерть разит без единой капли крови.

Сидевшая рядом и усердно работавшая палочками старшая невестка Ма Цуйхуа злорадно сверкнула глазами.

Сама нарывается, чистой воды самоубийство.

Так дерзить свекрови - эта избалованная барышня сегодня живой отсюда не уйдет, шкуру с нее спустят.

Ма Цуйхуа придвинула пиалу ближе и приготовилась насладиться зрелищем того, как свекровь отчитывает зарвавшуюся Тао Вансин.

И точно: лицо госпожи Ван от гнева приобрело цвет печени больного животного, она с силой грохнула кулаком по столу и, собираясь вскочить, раскрыла рот для яростной брани.

Однако подняться ей не дали.

Рядом с ней, взметнувшись словно порыв ветра, выросла высокая фигура.

Чжао Мэнчуань выпрямился во весь рост. Его под метр восемьдесят ростом фигура мгновенно подавила всех окружающих.

Он смотрел на собственную мать свысока, на его суровом лице не было и следа тепла, отчего он казался холодным и чрезвычайно опасным.

- Мам, моя жена права. К тому же серебра в дом я приношу больше всех, и нет никакого резона тому, чтобы женщина, за которую я заплатил огромные деньги, после замужества продолжала терпеть лишения и страдать.

С этими словами его острый взгляд холодно скользнул по старшей невестке, которая до этого с интересом наблюдала за представлением.

Ма Цуйхуа крупно вздрогнула, едва не выронив из рук грубую пиалу.

Она прекрасно умела читать по лицам и, будучи привычной третировать слабых, разве смела бы бросить вызов этому второму деверю, способному одним ударом кулака завалить дикого кабана?

- Да... второй деверь, ты абсолютно прав! - Ма Цуйхуа тут же выдавила из себя угодливую улыбку и поспешно попыталась сгладить неловкость.

- Младшая невестка у нас барышня нежная, избалованная, разве ей горькую работу выполнять? Вся работа по дому отныне на мне. У меня кости крепкие, стоит день без дела посидеть, как руки чесаться начинают.

Заметив, как старшая невестка мгновенно переметнулась на вражескую сторону, госпожа Ван едва не выплюнула полный рот крови от злости.

Если она не может совладать с этим вторым сыном, неужели не справится со старшей невесткой?

- Тьфу, никчемная ты баба, уродилась же с душонкой чернорабочей! То ли дело некоторые бесстыдные лисицы - палец о палец не ударят, живут лишь тем, что лицо свое используют да мужиков соблазняют.

Ма Цуйхуа испуганно втянула голову в плечи, но боковым зрением все же украдкой глянула на лицо Тао Вансин.

Посмотрев на эту нежную, белую как снег кожу, а затем потрогав собственные грубые веснушки, она с горькой завистью подумала: будь у нее такая внешность, кто бы стал добровольно горбатиться в поле изо дня в день?

За нее ведь отдали целых двадцать лямов серебра!

В то время, когда семья Чжао брала в дом ее, старшую невестку, за нее заплатили всего-навсего два ляма.

И впрямь: не сравнивай – не расстраивайся, а такое сравнение и до смерти довести может.

Подумав об этом, Ма Цуйхуа благоразумно притворилась глухой и немой, уткнулась в пиалу и принялась усердно есть, не смея издать ни звука, как бы ни ругалась свекровь.

Госпожа Ван, оставшись без поддержки, пела партию соло, и грудь ее вздымалась от ярости.

Но стоило ей вспомнить, что вся семья держится исключительно на охотничьих добычах второго сына, как она все же не решилась довести дело до конца и была вынуждена проглотить эту обиду, загнав желчь обратно в желудок.

После короткого молчания.

Ма Цуйхуа, видя, как Тао Вансин неторопливо доедает свое жареное яйцо, вновь ощутила глухое раздражение.

Ишь ты, у этой женщины хватает наглости отнимать еду у пятилетнего ребенка!

Мясо и яйца в нынешние времена – какое богатство, разве они не должны доставаться старшему внуку семьи?

Сразу видно – невоспитанная девка, неудивительно, что она так разозлила свекровь, ее определенно нужно хорошенько проучить.

Она только и ждала момента, чтобы поглядеть, как в дальнейшем свекровь возьмется за эту фифу и сотрет ее в порошок.

Покончив с едой, Ма Цуйхуа по привычке шустро принялась собирать пиалу с палочками, чтобы отнести их на кухню и перемыть.

Тао Вансин изящно промокнула губы и сидела на своем месте с невозмутимостью горы Тай, не выказывая ни малейшего намерения помочь.

Раз уж она с самого начала создала себе образ избалованной лисы, пальцем не о трогаящей холодную воду, этот образ стоило поддерживать и дальше, дабы избавиться от лишних хлопот в будущем.

Уступишь сейчас и возьмешься за работу – потом об отдыхе можно будет и не мечтать.

Бросив взгляд на лица свекрови и невестки, вытянувшиеся длиннее ослиных, Тао Вансин предпочла сделать вид, что ослепла.

Она, в конце концов, современная богатая наследница, круглая отличница – ей и так выпало немало страданий, раз занесло в эту глухую древность.

Здесь не было ничего: ни мобильного телефона, ни ночной жизни, даже денег на руках не водилось.

Жизнь эта казалась просто невыносимой.

Хорошо хоть, что ее лучшая подруга тоже переместилась сюда вместе с ней.

Иначе в этой феодальной глуши она бы просто понятия не имела, как выживать в одиночку.

<http://bllate.org/book/19485/1910109>